

АННА
ТОДД

ЦИКЛ РОМАНОВ
АННЫ **ТОДД**
САМЫЕ ЯРКИЕ ЗВЕЗДЫ

САМЫЕ ЯРКИЕ ЗВЕЗДЫ #1

САМАЯ ТЕМНАЯ ЛУНА #2

АННА ТОДД

2

**САМАЯ
ТЕМНАЯ
ЛУНА**

Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т50

Anna Todd
THE DARKEST MOON (#2)

Copyright © 2020. The Darkest Moon by Anna Todd
Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew
Nurnberg Literary Agency
The moral rights of the author have been asserted

Sensation Imaginator1d
www.wattpad.com

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Татьяны Борисовой*

Тодд, Анна.

Т50 Самая темная луна (#2) / Анна Тодд ; [перевод
с английского Т. Борисова]. — Москва : Эксмо, 2021. —
288 с.

ISBN 978-5-04-116314-3

Карина и Каэл любят друг друга, но однажды между ними
пролегла пропасть, которую, кажется, не преодолеть.

Именно из-за Каэла налаженная жизнь Карины дала
трещину. Из-за него она может потерять брата и нарушить
хрупкий мир, что воцарился в ее семье.

Карина словно бредет во тьме, где один неверный шаг — и
потеряешь то, что тебе дорого.

Но Карина не хочет терять Каэла. Пусть они теперь друг
от друга бесконечно далеки, он — лучшее, что с ней случалось.
Его невозможно забыть.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Борисова Т., перевод на русский язык,
2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-116314-3

ПЛЕЙ-ЛИСТ

«What We Had» — Sody
«Falling» — Harry Styles
«Possibility» — Lykke Li
«Little Did You Know» — «Alex & Sierra»
«July» — Noah Cyrus
«Little Bit of You» — Kevin Garrett
«Idfc» — blackbear
«Poser» — Grace VanderWaal
«Lost On You» — Lewis Capaldi
«Before You Go» — Lewis Capaldi
«Hollow» — James Smith
«Lost Without You» — Freya Ridings
«The Light» — «The Album Leaf»
«Lie» — NF
«Love in The Dark» — Jessie Reyez
«When the Party's Over» — Billie Eilish
«Watch» — Billie Eilish
«Rest» — Minke
«The Other» (гитарная версия) — Lauv
«Unspoken» — Aaron Smith
«Can We Kiss Forever?» — Kina,
Adriana Proenza

*Всем и каждому,
кто хоть раз в жизни
чувствовал себя потерянным.
Мне бы очень хотелось
помочь вам найти себя*

Глава 1

КАЭЛ, 2019

От черных нарядов болят глаза. Давно я не видел столько людей в одинаковом облачении. С годами у меня выработалась привычка к защитной форме, и я до сих пор выискиваю ее в гражданском мире, хотя в армии уже не служу. Иногда я скучаю по привилегии носить одно и то же каждый день. Снимаю с вешалки очередной пиджак, только из химчистки, и вспоминаю военную куртку, грязную и задубелую от песка: она даже поскрипывала, пока мы часами маршировали под палящим солнцем Джорджии. Моя рука тянется под рубашку, нащупывает на шее армейские жетоны.

Я не из тех, кто носит их для хвастовства или ради бесплатной выпивки в баре; я ношу жетоны потому, что тяжесть металла на груди помогает твердо стоять на ногах. Вряд ли я их когда-нибудь сниму.

— Прохладно, — говорит мама.

Я оставляю жетоны в покое и кладу руки на колени.

— Накинешь мой пиджак? — предлагаю.

Она качает головой.

— Тело нужно хранить в холоде, — произносит знакомый голос.

— Ты, я смотрю, не меняешься, извращенец. — Я обнимаю Сильвина.

Он сильно похудел с тех пор, как мы обнимались в последний раз.

— Ты, я смотрю, тоже. — Сильвин бьет меня по руке.

Мама поглядывает неодобрительно и бьет его чуть сильнее, чем он ударил меня.

— А ну прекрати, — командует она.

— Сколько раз я это слышал? — Сильвин обнимает маму, и та расплывается в улыбке.

Они встречались мало, однако маме он нравился, хоть и был хамоватым засранцем с идиотским чувством юмора. Этот извращенный юмор спасал нас в самые тяжелые времена, так что мне Сильвин тоже нравился.

— Ты как, дружище?

Я спрашиваю обыденно, но понимаю — ему сейчас, наверное, больнее, чем остальным в церкви. Как мне в прошлый раз.

Сильвин прочищает горло, моргает покрасневшими глазами.

— Неплохо, Мартин. Я... м-м... неплохо. Хотелось бы торчать не тут, а в Вегасе, с какой-нибудь порнозвездой, проматывать ее денежки. — Он смущенно смеется.

— Ну, кому не хотелось бы, — осторожно шучу я в ответ.

Зачем беречь раны? Иногда лучше ничего не чувствовать.

— Сядешь с нами? Или у тебя уже есть место? — говорю я.

— Мы же не на концерте, дубина! — со смехом заявляет Сильвин и садится рядом с мамой.

Идиотский смех Сильвина — единственный намек на радость во всей церкви, пусть он и маскирует глубокую печаль. С потолка сочится скорбь. Горе, пропитывающее человека насквозь и никогда не смышающееся. Оно видно невооруженным глазом. Бремя, которое всегда с тобой, бежит по венам вместе с кровью, давит на плечи. Сильвин со вздохом откидывается на скамье, тяжело обмякает на деревянном сиденье в попытке перевалить на него часть бремени. Глаза смотрят вперед, вдаль, куда-то в прошлое, которое не отпускает, не позволяет даже мечтать о покое. Сильвин слишком молод, чтобы выглядеть таким стариком... Он резко сдал, а ведь раньше мы называли его «пупсиком». Дразнили за кукольное личико, пародировали южный говор. Сильвин из Миссисипи; во время нашей первой операции он напоминал пятнадцатилетнего мальчишку, теперь же выглядел старше меня. Пупсик, как именовал его весь взвод, сильно повзрослел с той истории, когда на лицо ему посыпались с неба ошметки сырого тунца. Мой мозг вновь взорвало, я с ужасом понял, что ливень состоит из кусков человеческой плоти, а не из рыбы. Я стоял совсем близко, на носок моего армейского ботинка шлепнулся палец с обручальным кольцом. Джонсон изменился в лице: повернул голову и обнаружил, что его боевого товарища, Кокса, больше нет рядом. В глазах Джонсона что-то

вспыхнуло и тут же погасло; он вскинул автомат и двинулся дальше. Больше Джонсон о друге не упоминал и не проронил ни слова, пока беременная вдова Кокса плакала на его похоронах. Сегодня, кстати, все до жути напоминает те похороны.

Я оглядываюсь в поисках часов. Разве не пора? Скорей бы с этим покончить. Все похороны одинаковы. По крайней мере армейские, а других я не видел с детства. С тех пор как я стал новобранцем, побывал минимум на десяти похоронах. То есть десять раз я молча сидел на деревянной скамье и рассматривал лица солдат, глядящих вдаль и привычно сжимающих губы в прямую линию. Десять раз беспокойные дети, которые и жизни-то не понимают, что уж говорить о смерти, ползали у ног родителей. Десять раз в толпе раздавались рыдания. К счастью, лишь половина покойных имела семью, поэтому рыдающих жен, чья жизнь разлетелась в клочья и переменилась навсегда, было только пять.

Я часто думаю — когда же поток извещений иссякнет? Сколько еще лет мы будем собираться вот так? Пока не станем старыми и седыми? Кто к кому явится на похороны первым — Сильвинко мне или я к нему? Я приезжаю всегда, как и Джонсон, которого я вижу сейчас краем глаза. И Стэнсон, который держит на руках новорожденного сына. Стэнсон до сих пор в армии, но приезжают даже те из нас, кто в отставке. Я однажды летал в штат Вашингтон ради едва знакомого парня — он нравился Мендосе.

Сегодня людей больше обычного. Впрочем, и любил сегодняшнего погибшего солдата больше других. Не могу произносить его имя, даже мысленно. Не хочу подвергать такому испытанию ни себя, ни маму, которую я по дороге забрал из Ривердейла и привез сюда. Маме он нравился.

Всем нравился.

— Что это за дама? — спрашивает мама и кашляет.

Ее палец указывает на женщину, которую я не узнаю.

— Без понятия, мам, — шепчу в ответ.

Затравленные глаза Сильвина закрыты. Я отвожу от него взгляд.

— Я эту даму точно знаю, — не унимается мама.

На сцену выходит мужчина в костюме. Значит, пора.

— Мам, начинают, — одергиваю я.

Я высматриваю Карину, она уже должна быть здесь. Мама опять кашляет. В последнее время кашель усилился. Он мучает ее года два, если не дольше. Временами проходит, вознаграждает маму за отказ от курения. Потом возобновляется, делается влажным, и тогда она бурчит — мол, с тем же успехом могла бы и дальше курить «Мальборо». Я спорил с ней полжизни, с десятилетнего возраста, и слышал, как то же самое делал доктор: говорил, что мама потеряет легкое, если не бросит, что она и так уже принимает много лекарств. Мама прижимает к губам платок, закашливается. На миг закрывает усталые глаза, вновь устремляет невидящий взгляд на покрытый цветами помост.

Гроб, конечно, закрыт. Ни к чему показывать детям неузнаваемое тело.

Черт, хватит! Я провел бог знает сколько времени с медиками, перед которыми стояла задача меня починить, так что по идее я должен уметь отгонять подобные мысли. Увы, разные методы, которым нас учили, не работают. Мрак никуда не уходит, не двигается с места. Может, потребовать от правительства компенсацию? Они, как и положено, оплатили мое лечение, но разве оно помогло? Явно нет. Ни Сильвину, ни мне, ни парню в гробу на помосте.

«Считай в обратном порядке», — советовали нам.

«Считай в обратном порядке и думай о том, что дарит тебе радость или покой. Ощущай твердую почву под ногами. Знай, что ты теперь в безопасности», — твердили врачи.

Когда я нуждаюсь в покое, то думаю о *ней*. С первой нашей встречи. Помогает до тех пор, пока о себе не напоминает реальность. Тогда возникает желание наказать себя за то, что *ее* больше нет в моей жизни, и я еще глубже погружаюсь во мрак.

Я не успеваю закончить сеанс собственной психотерапии — кто-то барабанит пальцами по микрофону, и звук громко разносится по залу.

— Как только все займут свои места, мы приступим, — мягко и безучастно произносит распорядитель похорон.

Наверное, он говорит это по несколько раз в неделю.

Зал умолкает, и погребальная церемония начинается.

* * *

По ее окончании часть гостей выстраивается в очередь к гробу, чтобы попрощаться, но мы продолжаем сидеть. Сильвин ловит мой взгляд и многозначительно поднимает глаза кверху. Кто-то хлопает меня по плечу. Я совру, если скажу, будто внутри не вспыхивает надежда. Карина?! Хотя я уверен, что не она.

Так и есть. Глория. Стоит за моей спиной, одетая в черное платье с вышитыми по лифу белыми цветами. Я видел Глорию в этом платье раз десять, не меньше. Десять похорон. Сегодня просто день потрясений: сначала Карина, за ней Сильвин, потом проигрыш на торгах — четырехквартирный дом в предместье Форт-Беннинга, шикарная была бы сделка, — а теперь вот Глория, которая всегда наводит меня на мысли о ее муже.

— Привет, Глория. — Я встаю, обнимаю ее.

Она тоже меня обнимает, отстраняется, обнимает вновь.

— Ты как? Я за тебя переживала. Не переживаешь. — Глория корчит гримаску. — Сволочь, — шепчет, не отводя взгляда.

— Работы по горло, да и не люблю я телефонных разговоров, ты же знаешь.

Глория закатывает темные глаза.

— Дети скучают, ясно? И постоянно о тебе спрашивают.

Дети. От чувства вины к горлу подступает кислота, жжет.

— Я тоже по ним скучаю. — Я опускаю взгляд к ногам Глории, за которые обычно цепляется